

чала научных исследований о ней, и тою же истиною, уже выдержавшею отрицание и подтвержденною научным исследованием. [...]

*ЗАМЕЧАНИЯ НА ПОСЛЕДНИЕ ЧЕТЫРЕ ГЛАВЫ
ПЕРВОЙ КНИГИ МИЛЛЯ*

РАЗЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА МАЛЬТУСОВОЙ ТЕОРИИ

I. <История Мальтусовой теоремы

Обстоятельства, породившие теорию Мальтуса, вероятно известны каждому читателю; но мы все-таки припомним их здесь, потому что это поможет разъяснению сущности дела.

Идеи, выразившиеся событиями французской революции, имели себе сильный отголосок и в Англии, откуда были принесены во Францию первые зародыши их. Масса английского общества в первые годы революции сильно сочувствовала ей, и поэтому приобрели большое общественное значение в Англии демократические писатели. Самым замечательным из них по таланту был Годвин. Его «Исследование о политической справедливости»⁵ имело громадный успех. В то время, когда явилось оно (1793 г.), в Англии уже начиналась реакция, но большинство образованной публики еще сочувствовало идеям, начавшим подвергаться правительственному преследованию. Реакция еще не окрепла настолько, чтобы иметь замечательных теоретических защитников. Благодаря войне с Францией, она быстро росла в следующие годы, и под ее влиянием английское общество начало находить, что идеи, еще недавно очаровавшие его, непрактичны, губительны и преступны. Пока не было этого расположения умов, не могло являться таких апологий старины, которые имели бы теоретическое достоинство. Берк и другие бесчисленные панегиристы прежнего порядка писали только воззвания к предрассудкам, <которые> могли нравиться лишь невеждам или людям, заинтересованным в сохранении злоупотреблений. Теперь пришла иная пора. Люди рассудительные, люди нерасположенные защищать злоупотреблений, друзья прогресса стали думать, что французская революция — отвратительное безумство, а принципы ее ложны. Этим новым расположением умов скоро было (в 1798 году) порождено и теоретическое опровержение покинутого обществом увлечения. Этому внутреннему от-

ношению идей соответствовал даже и внешний повод, из которого возникла книга Мальтуса. Чтение одной из статей Годвина, «О скупости и расточительности» (она явилась в 1797 году в периодическом издании Годвина «Исследователь», *Inquirer*), возбудило в Мальтусе потребность заняться защитой учреждений, против которых восставали революционные писатели⁶.

Старые учреждения никогда не имели недостатка в защитниках. Но политические тенденции той части английского общества, публицистом которой явился Мальтус, были таковы, что все прежние возражения против революционных идей казались ей неудовлетворительны; неудовлетворительными казались они и самому Мальтусу. Он принадлежал к партии умеренных либералов, которые рассуждают очень свободно, пока дело идет о второстепенных учреждениях, очень любят личный и почтенный прогресс и становятся консерваторами лишь тогда, когда усиливаются в обществе революционеры, не ограничивающиеся критикой маловажных подробностей, а стремящиеся изменить самые основания существующего порядка. Прежде противниками демократических идей в Англии были только приверженцы застоя, защитники средневековых учреждений; их возражения против демократов основывались на реакционных принципах, вели к провозглашению справедливости и пользы средневековых учреждений; партия, к которой принадлежал Мальтус, была враждебна тем особенностям, которыми XIII век отличался от XVIII; она считала благом те принципы, на которых основывался общественный порядок в прежние все периоды высокого общественного развития. Аргументы реакционеров защищали не сущность этих принципов, а средневековые формы их; для умеренных либералов нужна была другая теория, которая отвергала бы стеснительные средневековые подробности, показывала бы необходимость только коренных принципов и допускала бы некоторый прогресс в их развитии. Такая теория и оказалась результатом исследований Мальтуса.

Дух книги Мальтуса таков: надобно заботиться об улучшении существующих учреждений, а не разрушать их, не стремиться к основанию общественного устройства на иных принципах, потому что никакие иные принципы не могут дать обществу большего благосостояния, чем какое дается нынешним коренным его принципом, частной собственностью.

Но умеренно-либеральное настроение не может неизменно господствовать над общественным мнением: оно

чередуется с радикальным и реакционным настроением. Умственная история общества состоит в постоянной смене этих трех расположений. Недостатки существующего вызывают критику; она сначала обращается лишь на недостатки, заметные с первого взгляда; это пора умеренных либералов; но критическая мысль, развиваясь далее, находит, что под явлениями, очевидно неудовлетворительными, лежат принципы, на которых построен весь общественный порядок, что второстепенных явлений нельзя устранить, не устраняя этих коренных причин; тогда умеренно-либеральная критика переходит в радикальную; так, за Монтескье явился Руссо; за Мирабо — Робеспьер. Привычка к коренным принципам общественного устройства чрезвычайно сильна в массе, и огромное большинство общества скоро замечает, что радикалы, увлекшие его, идут гораздо дальше, чем может оно идти по своим понятиям, что вместе с недостатками, которыми оно тяготилось, ниспровергают они вещи, которыми оно очень дорожит. Тогда начинается другое настроение мыслей: касаться оснований общественного устройства — это злодейство или безумие; довольно устранить второстепенные недостатки. Опять настает пора умеренного либерализма: за конвентом следуют директория и консульство; законы для Франции снова составляются под влиянием Сиеса, Талейрана и других, замолкавших во время конвента. Но мысль, породившая переход от радикализма к умеренному либерализму, продолжает развиваться, и общество начинает думать: «не в том дело, дурны или хороши, сами по себе, второстепенные явления, против которых восстают умеренные либералы, защищающие неприкосновенность основных принципов; дело в том, что эти явления неразлучны с основными принципами, что уничтожить их значит подрывать и основные принципы; а этих основных принципов нельзя касаться, следовательно, надобно также сохранить или восстановить явления, необходимые для них». Это период крайней реакции; Наполеон с насмешкою отталкивает Сиеса и перестает слушать Талейрана; конституционный порядок директории, ставший почти только призраком во время консульства, переходит в полный абсолютизм империи. Тут опять начинается прежняя история. Общество, увлекшееся реакцией, начинает тяготиться ею; оно думает: «основания существующего порядка хороши, но есть в нем второстепенные тяжелые неудобства и надобно отстранить их». С этим опять настает пора умеренного либерализма, поднимают голос против Наполеона Бенжамен Констан и Лафайэт, бывшие бес-

сильными во время увлечения общества империей: она падает, и никакие усилия эмигрантов не могут обратить ее падения в пользу новой реакции, потому что поток мыслей стремится по противоположному направлению, от реакции к либерализму. Сначала либерализм очень умерен: Бенжамен Констан, Ройе Колар и Гизо совершенно удовлетворяют требованиям большинства, и Франция живет под конституционной хартией 1814 года; но развитие критики идет дальше, реставрация сменяется июльской монархией, потом дело доходит и до февральской революции, и опять за революционным периодом следует либерализм Кавеньяка, кончающийся абсолютизмом новой империи⁷

Такова вечная смена господствующих настроений общественного мнения: реакция ведет к умеренной, потом к радикальной критике; радикализм ведет к умеренному, потом к реакционному консерватизму, и опять от этой крайности общественная мысль переходит в противоположную крайность через умеренный либерализм. Этим переменам подверглась и теория, возникающая из факта, резко выставленного вперед Мальтусом.

Мы видели, что книга Мальтуса принадлежала первой половине движения общественного мнения от радикальных стремлений к реакции. Мальтус говорил: основания экономического устройства не должны быть изменяемы, но должно заботиться о частных улучшениях. Разумеется, факт, им указанный, повел к иным заключениям, когда восторжествовало совершенно реакционное расположение мыслей.

Мальтус говорил: главная масса бедствий, которым подвергает людей нищета, происходит не от человеческих учреждений, против которых восстают радикалы; нищета с своими последствиями производится законом самой природы, действие которого не усиливается, а, напротив, смягчается учреждениями, основанными на частной собственности; ввести равенство и общность имущества значило бы только дать больше простора действию естественного закона, вносящего в массу всякого общества нищету со всеми ее страданиями и пороками. Реакционеры вывели из этого заключение, очень логическое и совершенно отвергавшее либеральную примесь, которая у самого Мальтуса сглаживала жесткость основной мысли. Если нищета и страдания происходят от естественного закона, непобедимого никакими человеческими учреждениями, сказали они; если уменьшать неравенство в распределении собственности значит только увеличивать массу нуждающихся, то не напрасны ли или, лучше сказать, не

вредны ли всякие заботы об улучшении общественного быта? Его недостатки спасительны; учреждения и обычаи, против которых восстают либералы, охраняют общество от бедствий, гораздо больших, чем какие приносят. Эти выводы, возмущавшие людей слабохарактерных, неопровержимо вытекали из коренной мысли Мальтуса. Порок — дурная вещь, но он задерживает размножение людей, которое наделало бы несчастий, гораздо больших, чем порок, если бы не задерживалось им; война истребляет множество людей, но если б не было войны, люди стали бы размножаться так, что от голода умирало бы их больше, чем умирает от войны. Вообще все, что считается бедственным, служит предохранением от гораздо больших бедствий, и потому должно в сущности считаться благодетельным. Преступления, разврат, насилия всякого рода, — это ножи, которыми рука природы прочищает ветви дерева, беспреестанно разрастающиеся до излишней густоты, так что все дерево заглохло бы, засохло бы без этой прочистки. Если бы люди, говорившие это, были вполне последовательны, они должны были бы сказать, что надобно заботиться не об уменьшении, а об увеличении страданий массы людей: надобно не противодействовать, а покровительствовать всяческому порокам. Но перед таким выводом они останавливались, и вместо того, чтобы говорить: «надобно делать общественные учреждения и обычаи как можно более дурными», они говорили только: «напрасно исправлять их».

Сам Мальтус вовсе не хотел такого вывода. Он был друг улучшений, лишь бы не коренных улучшений. Но принципы, высказываемые людьми умеренными, всегда ведут к следствиям гораздо более резким, чем хотят сами эти люди: когда общество от умеренно-либерального расположения переходит к реакционному или радикальному настроению, оно открывает в мыслях, имевших умеренный тон, принципы реакционных или радикальных теорий.)